

Альшевская Лариса Владимировна

МИФОЛОГИЯ КАК ТОТАЛЬНОСТЬ

В статье предложен сравнительный метод изучения проблемы мифологизации сознания. Диалектически рассматривается вопрос об изменении статуса мифологии: от инструмента познания до манипуляционной технологии. Философский аспект темы растерянности человека новейшего времени представлен через выявление противоречий в системе "личность - время". В области решения задачи преодоления абсурда постмодерна приемлемым называется аксиологический подход. Подчеркивается важность понимания единства глобального мира и стратегических ориентиров личности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/2/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 23-26. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1; 17.021.2

Философские науки

В статье предложен сравнительный метод изучения проблемы мифологизации сознания. Диалектически рассматривается вопрос об изменении статуса мифологии: от инструмента познания до манипуляционной технологии. Философский аспект темы растерянности человека новейшего времени представлен через выявление противоречий в системе «личность – время». В области решения задачи преодоления абсурда постмодерна приемлемым называется аксиологический подход. Подчеркивается важность понимания единства глобального мира и стратегических ориентиров личности.

Ключевые слова и фразы: миф; природа; тождество; коллективное сознание; абсурд; тоталитарное мышление; самоидентификация; постмодерн; современность.

Альшевская Лариса Владимировна, к. филос. н., доцент
Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского
ADasha04@yandex.ru

МИФОЛОГИЯ КАК ТОТАЛЬНОСТЬ

Тема мифологии в целом и многие проблемы, связанные с исследованием мифологизации сознания, глубоко изучены в отечественной и зарубежной философской литературе, в том числе в работах таких авторов как Р. Барт [1], Я. Э. Голосовкер [4], К. Леви-Стросс [7], А. М. Лобок [8], А. Ф. Лосев [9], М. Элиаде [14]. Однако чем большую скорость набирают изменения глобального мира, чем «плотнее» они заполняют человеческое время, тем более рельефной в плане актуальности становится задача постижения возможных перспектив индивидуального сознания. Чтобы прогнозировать будущее человеческого сознания, необходимо проследить путь его становления.

Первобытный период, самый длительный в истории человечества, продолжался, по различным оценкам ученых, от одного до двух с половиной миллионов лет. Первое бытие человека, еще не знавшего, что он человек, – натуральное (от лат. *natura* – природа), природное, естественное бытие. Природа (род, а при нем, рядом с родом все остальное) не столько объединяла, сколько отражала тождество человека, рода и окружающего мира. В таком бытии отсутствуют всякого вида границы: социальные, политические, экономические и другие; нет присущего нашему современному существованию деления на естественное и сверхъестественное, субъективное и объективное, духовное и материальное. Грань между животным и человеком тогда еще очень условна, и почти неуловимо различие между животными инстинктами и зарождающимся, прорастающим из глубин психики человеческим сознанием. Первобытный коллективизм стал условием появления первой ступени сознательной деятельности человека – коллективной. Коллективное сознание, настолько же цельное с природой, насколько цельно с ней человеческое тело, составляющее с ней нечто одно, не имело количественной характеристики, не представляло собой «сумму» сознаний, поскольку человек еще не являлся индивидом (от лат. *in-dividuitas* – неделимость, или вы-деленность), т.к. жил, не зная о себе, о своей «вы-деленности», обособленности. Так животное не знает, что оно животное, так цветок, распустившись, не ведает о том, что он прекрасен. Мышление, интеллект были действительны только как возможность по отношению к будущему человеку. Природа, общество, сознание бытийствовали как такое тождество, которое не состояло ни из каких частей, тождество, где все идеальные и материальные составляющие слились до неразличимости в целое. Своеобразной, особенной интеллектуальной рефлексией этого целого стал миф. Первобытный миф возникает не только как символ синкретического единства мира, но одновременно и как свидетельство его раскола, являясь первым инструментом познания. Объясняя, вернее, создавая мир с помощью мифа, первобытный человек смотрел на природу еще интроспективно, но уже начиная понимать и различать самого себя и окружающий его миропорядок. Древняя мифология вовсе не искажала действительность, напротив, осуществляла ее, делая реальной, объективной, настоящей. Миф как живая, «дышащая», вечно рождающаяся и бесконечная, чувственно впечатляющая природа. Живое и духовное тождества с природой, в силу определенных изменений социально-экономического характера, постепенно отступали перед проявляющейся сознательностью «я». Только начиная осмысленно производить и применять необходимые предметы, а по библейской версии «вкусив от древа познания добра и зла», человек становится человеком. Однако он теряет то, что потом будет вечно искать, – свободу. Свобода была «обменена» на способность мыслить, когда из «золотого» века общество вступает в эпоху социального неравенства и закона.

В эпоху матриархата (гинекократии, или женской власти), сформировавшейся около 40 тысяч лет назад, открылась возможность перехода человеческого бытия от варварства к цивилизации, от коллективного сознания к индивидуальному, от тождества с природой к единству с ней. Основная причина признания материнского права заключалась тогда в способности женщины сотворить чудо, в качестве которого выступал ребенок. Об этом писал И. Бахофен [3]. Чудом можно назвать необъяснимое, самопроизвольное возникновение или исчезновение чего-либо. Первобытная полигамия и промискуитет диктовали не только неизвестность биологического отцовства, но и оставляли необъяснимым сам факт появления ребенка, поэтому рождение воспринималось как чудесное событие. Первобытному человеку чудесной представлялась вся природа: все естественное, доступное в чувственном опыте, а также чувства, вызываемые ее красотой, и ужас от буйства

стихий. Женщина производила нечто «из ничего»: новое существо, до того момента не бывшее в мире, новую жизнь. Она, подобно рождающей природе, была вместо и до бога.

Десятки тысяч лет женщина находилась в привилегированном положении в обществе. Вавилонский миф о творении, датированный третьим тысячелетием до нашей эры, красочно иллюстрирует процесс перехода власти к мужчине и начало патриархата. Мифологическая картина о «творении словом» транслирует чудо иного порядка, высшего качества: действие, недоступное чувственному восприятию. Оно содержало еще и совершенно новый момент – эстетический: по сравнению актом творения женщины, полным боли, крови и страдания, мужчина творил «красиво», просто словом. Это не только повествование о смене исторических эпох, но и начало новой традиции в области веры: то, что было доступно органам чувств, постепенно переходит в область несовершенного бытия, полу-бытия, а сверхчувственный мир, наоборот, становится истинным, а значит – вечным бытием. Природа, лишившись своих чудесных характеристик, отдаляется от предмета веры и человека. Проявляются первые границы в общественно-хозяйственной сфере, появляется классовая дифференциация как следствие имущественного неравенства, возникает семья как относительно замкнутый социальный институт. В отличие от родов, на которые распалась материнская община, где сохранялись еще кровнородственные отношения – экзогамия и дуально-родовая эндогамия, патриархальная семья запрещала кровосмешение. В эпоху цивилизации самоопределяются такие сферы деятельности как политика, законодательство, агрокультура, жречество. Но самую первую и значимую границу – между «я» и «ты», фактически между субъектом и объектом – провела именно женщина тогда, когда она полюбила своего ребенка. Полюбить, как и познать, можно то, что является другим, т.е. объективным по отношению к тебе: она признала в ребенке другое существо, тем самым и в себе открыв субъект. Это тот случай, когда любовь, изначально призванная объединять, наоборот, отчуждает, разделяет. Такое дистанцирование было бессознательным, спонтанным: полюбив, женщина впервые испытала долго скрытое истинно человеческое чувство. Первобытное мироощущение в цивилизационную эпоху дополняется мировосприятием, т.е. личностным, индивидуальным, своим собственным, эмоционально окрашенным отношением к происходящим событиям. Итак, изменения в материальном производстве и в духовной жизни общества в период возникновения государства стали условием перехода от коллективного сознания к индивидуальному, которое выражается не только в способности человека мыслить самостоятельно, но еще и в возможности самопознания. Это одновременно и показатель отделенности, отдаленности человека от природы, и необходимое условие для самооценки, понимания себя как актора, сопричастного миру. Обладать индивидуальным сознанием – значит мыслить не как природа, не вместе с ней, а о ней, признать объектом собственной мысли не только окружающий мир, но и себя, носителя этой мысли. Мироощущение и мировосприятие теперь обогащаются миропониманием, которому доступно познание сущности. Начинается сознательная жизнь человека, жизнь со знанием о мире и о себе. Мысль и предмет мысли теперь не тождественны.

Сегодня религиозные мыслители говорят о великой трагедии человеческого существования – об отпадении от Творца своего. Это важная тема, значимый вопрос для теологической дискуссии. Мы же отметим, что не меньшую опасность представляет кризис самосознания личности. Самораспознавание «я» всегда сопряжено с той исторической и культурной эпохой, с которой так или иначе соотносит себя человек. Из соответствия или несоответствия этому времени рождается сложное понимание настоящего, определение себя как современного человека и постулирование собственной субъектности. К. Юнг считал, что «человек непосредственно настоящего встречается достаточно редко, ибо он должен быть в высшей степени сознательным, ибо существовать целиком в настоящем означает полностью осознавать свое существование, что требует максимальной интенсивности и экстенсивности сознания, минимума бессознательного» [15, с. 25]. Самоидентификационные кризисы, как и большинство экзистенциальных проблем, возникают, когда усиливается, ускоряется «разбег» времен: человек не успевает отождествить себя со временем, в котором живет, граница между прошлым и будущим (настоящее) размыта, не фиксируется им. Наступает странная ситуация: бытие во времени, которого нет. Постмодерн в действии: современности нет. Человек эпохи «безвременья» растерян (растерял себя): он автор мира, отнявшего у него самого себя. Цивилизационные рамки прошлого и будущего сближаются, действительное индивидуальное время сжимается, превращаясь в вечность, с которой начинает ассоциировать себя человек. В отсутствующей современности, т.е. в бесконечности, не нужны смыслы и цели: вечность бессмысленна. На смену истине, религии, науке, морали приходит многоголосье личных и различных мнений, всевозможных оценок и отношений, мифологических мирообъяснений. Усиливаются тенденции к децентрализации и деобъективации жизненного пространства, центростремительную силу набирают все процессы, в которых каким-либо образом участвует конкретный индивид. Каждый из них становится не только центром собственной науки, религии, морали, но и центром Вселенной, превращается в безусловное существование. Экзистенциальная трагедия человека нового типа состоит в абсурдности его существования, собственно, в смысложизненном вакууме.

Миллионы лет эволюции потребовались для того, чтобы человек стал сознательным существом, прошел путь от инстинктивной деятельности через коллективное сознание к индивидуальному, к самосознанию и саморефлексии. Индивидуальное сознание, развитие которого будет продолжаться в рамках человеческой истории, никогда не станет свободным от коллективного начала. Коллективное мышление, присущее человеку еще в домифологическую, первобытно-общинную эпоху, – исходный, необходимый уровень и основа сознания. Его возникновение было естественным, без вмешательства извне природы, процессом. Тождественность природы и человека обуславливала одинаковое его отношение к себе и окружающему миру. Древняя мифология тем и отличается от современной, что она была неосознанной и представляла собой отсвет объективного

мира для человека того времени. Мифология постмодернистской эпохи – это манипуляция, сознательное мифотворчество, применяемое в качестве инструмента воздействия на человеческое сознание и выбор (примером может служить реклама, предвыборные программы и т.п.). Древний коллективный тип мышления был гигантским шагом вперед по сравнению с инстинктивным животным существованием. Постепенно обозначился объективный (никем не заданный) эволюционный вектор – развитие самосознания и осуществление личности. Мифология в условиях цивилизации обрела новую извращенную форму и цель – тоталитарное мышление и разрушение личности. Древний миф появился в условиях первобытного коллективизма. Современный – в условиях атомизированного общества. Древняя мифология деперсонифицирована, по сути, – это коллективное творчество. Создание современных мифов – целеполагательный процесс, форма идеологии с авторской программой. Древний человек знал, что созданный им миф – это и есть его история, он, скорее всего, не сомневался в том, что миф – это мир. Новая мифология создаёт искусственную картинку между человеком и реальностью, вынуждает верить, что реальности нет. Человек не научился управлять природой, но научился управлять сознанием, для чего использует старый проверенный инструмент – миф. Поскольку инструмент используется не по назначению, человеческое сознание в данной ситуации испытывает серьёзные потрясения: происходит «выворачивание» нецивилизованной, негражданской стороной, т.е. той изнанкой человеческой личности, которая представляет собой только живое, даже животное (биологическое) существо.

В итоге следует отметить, что наша причастность к техническим, информационным и геополитическим процессам несомненна и неизбежна. Единство мира – предпосылка всеобщности этих процессов. Теперь человечество объединяет не только природа, которая создала его, но и техника, владение информацией и средствами связи, целостность политического и экономического пространства, которые, в свою очередь, были созданы людьми. Эта всеобъемлющая тотальность «второго уровня» (после природы) в интеллектуальной сфере оборачивается новой мифологией. Первобытный человек ничего не знал о времени, поэтому отождествлял себя с природой, а не с эпохой. Современный человек, личность, чье мировоззрение в большей степени определяет наука, становясь объектом прицельного воздействия мифологии, подвергается опасности дезориентации личности, встроенной в абсурдное существование вне времени и смысла. Тоталитарное мышление, в отличие от коллективного сознания, «не задумано» природой, оно планомерно культивируется самим человеком с тех пор, как стало известно, что сознанием можно научиться управлять. Тем не менее, ситуация абсурда уникальна тем, что содержит безграничные возможности для реализации подлинной свободы. Преодоление абсурда начинается с несогласия с ним. К демифологизации, противостоянию неразумной действительности способен только сомневающийся, самостоятельно думающий человек, которого Б. Паскаль назвал «самой ничтожной былинкой в природе, но былинкой мыслящей» [11, с. 28]. Всякая ситуация для нас – это ситуация вызова и выбора. Личность свободна в самотворении, она формулирует и реализует смысл как цель, разумное обоснование себя в мире. Процесс неприятия бессмыслия неизбежно сопровождается тяжелой внутренней морально-нравственной «ломкой»: чтобы встретиться с собой (а осмысленное существование – это путь к себе, должно быть), приходится учиться мыслить вопреки. Каждый раз, размышляя и действуя, преодолевая «я» каждого момента, личность ставит под сомнение собственное «я». Вся человеческая природа – в стремлении, движении и преодолении. «Я» тождественное самому себе каждый момент есть уже свершившееся «я» и одновременно «прощающееся» с собой «я», ожидающее и творящее «я-иное», «я-другого-момента». П. Козловски заметил, что «парадокс самоутверждения гласит, что сила индивидуального Я должна быть испытана, познана для того, чтобы от неё отказаться, и что самость обретает свою силу, только отрекаясь, отказываясь от себя... Чем больше личность принадлежит сфере объективного, тем в большей степени она обретает себя» [5, с. 73-74].

Принципиальный вопрос для индивидуального сознания – распознать неявленные возможности смысла. Человек, как и все, что существует во времени и пространстве, не содержит в себе цели собственного бытия: его существование детерминировано, объективно обусловлено. Индивидуальному, конкретно существу бытию невозможно трансцендировать все пространственно-временные координаты, стать актуальным бытием, преодолеть «дурную бесконечность». Являясь в некоей определенной форме, это бытие никогда не завершено, но всегда конечно. Подобная незавершенность позволяет надеяться на возможность и способность преодоления абсурда «первобытия в постмодерне». Процессы утверждения личности и становление мира одновременно, взаимообусловлены и взаимообразны. Культурное бытие личности как сопричастность, со-бытие сопряжено с целью и самостоятельным ценностным поиском. Внешнее многообразие, ориентирующее человека на согласие с количественным множеством, может быть преодолено творческим актом создания качественно нового уровня действительности. Необходимо максимально осуществиться, чтобы не оставаться вечной потенциально возможной «здумкой природы».

Список литературы

1. **Барт Р.** Мифологии. М.: Академический проект, 2014. 351 с.
2. **Баткин Л. М.** Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. 1005 с.
3. **Бахофен И.** Материнское право (предисловие и введение) // Классики мирового религиоведения: антология. М.: Канон +, 1996. С. 216-267.
4. **Голосовкер Я. Э.** Логика мифа. М.: Наука, 1987. 218 с.
5. **Козловски П.** Культура постмодерна: общественно-культурные последствия технического развития / пер. с нем. М.: Республика, 1997. 240 с.

6. **Кризис сознания:** сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. 272 с.
7. **Левин-Стросс К.** Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
8. **Лобок А. М.** Антропология мифа. Екатеринбург, 1997. 688 с.
9. **Лосев А. Ф.** Диалектика мифа. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014. 320 с.
10. **Мамардашвили М.** Сознание и цивилизация. СПб.: Лениздат, 2014. 384 с.
11. **Паскаль Б.** Мысли. М.: ЭКСМО-Пресс; ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. 368 с.
12. **Пятигорский А.** Мышление и наблюдение: четыре лекции по обсервационной философии. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2016. 192 с.
13. **Чоран Э.-М.** Выпасть из времени // Апокалипсис смысла: сборник работ западных философов XX-XXI вв. М.: Алгоритм, 2007. С. 123-132.
14. **Элиаде М.** Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2014. 235 с.
15. **Юнг К.** Проблема души современного человека // Это человек: антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 24-41.

MYTHOLOGY AS TOTALITY

Al'shevskaya Larisa Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Irkutsk State Agrarian University named after A. A. Ezhevsky
ADasha04@yandex.ru

The article proposes a comparative method of studying the problem of consciousness mythologization. The paper dialectically discusses the issue of changing the mythology status: from an instrument of cognition to a manipulation technology. The philosophical aspect of confusion of the modern human is presented through identifying contradictions in the “personality – time” system. In solution of the problem of overcoming absurd of postmodernity the axiological approach is thought to be acceptable. Importance of understanding unity of the global world and strategic orientations of the individual is highlighted.

Key words and phrases: myth; nature; identity; collective consciousness; absurd; totalitarian thinking; self-identification; post-modernity; modernity.

УДК 94(930):329.4

Исторические науки и археология

В данной статье рассматривается проблема роста антиисламских настроений в ФРГ. Целью работы стало комплексное исследование этого вопроса. Были установлены причины усиления нетерпимости по отношению к мусульманам и мигрантам в Европе. Изучены история, стратегия, методы, идеология и цель праворадикальной партии «Гражданское движение за Нордрейн-Вестфален» как основного источника распространения нетерпимости к мусульманам и другим группам иностранных граждан. В заключение на основании анализа продемонстрирована связь идеологии партии с феноменом «культурного расизма» в условиях кризиса мультикультурализма.

Ключевые слова и фразы: культурный расизм; «Гражданское движение за Нордрейн-Вестфален»; культура; идентичность; исламофобия; исламизация; мультикультурализм.

Антонов Александр Евгеньевич
Кемеровский государственный университет
derchef.kem@mail.ru

«КУЛЬТУРНЫЙ РАСИЗМ» В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

На сегодняшний день мечети и минареты, мусульманские общины Европы стали настоящим объектом жесткой критики. Особенно это ощущается в западноевропейских странах. Ислам как религия стал объектом нападков правых, которые считают, что исламу и мусульманам нет места в Европе. Это связано не только с культурными различиями и противоречиями, но также с целой серией терактов во Франции в 2015 г., когда многие мирные жители стали объектами насилия со стороны исламских экстремистов, действовавших по приказу так называемого Исламского государства, которое на протяжении ряда лет и по сей день терроризирует не только государства и народы Ближнего Востока, но и всё мировое сообщество. Однако эти события не стали причиной исламофобии, а скорее, наоборот, усилили ее. В частности, в Европе это связано с кризисом мультикультурного сообщества, который был порожден массовой иммиграцией из стран Ближнего Востока в Европу преимущественно в такие благоприятные страны, как Франция, Германия, Нидерланды и т.д.

Уже несколько десятилетий в этих западноевропейских странах существуют и активно действуют праворадикальные партии и движения, направленные главным образом против иммиграции и исламизации стран Европы. Масло в огонь подлило массовое бегство жителей из стран Ближнего Востока и Северной Африки в страны ЕС из-за террора Исламского государства, а также печальные события новогодней ночи 2016 г. в городе Кёльн, когда сотни женщин были подвергнуты сексуальному насилию со стороны мигрантов и беженцев. Это в свою очередь порождает страх и недоверие у коренного населения к мигрантам из-за возможной угрозы насилия с их стороны по отношению к гражданам. «Если ранее к “турецким иммигрантам” относились